

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2023.4.40.6

УДК 338.1(470) | ББК 65.03(2)64

© Гулин К.А.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПЕРЕХОДА КОНЦА XX ВЕКА

КОНСТАНТИН АНАТОЛЬЕВИЧ ГУЛИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологодский государственный университет

Вологда, Российская Федерация

e-mail: gulin_k@mail.ru

ORCID: [0000-0002-4336-6331](https://orcid.org/0000-0002-4336-6331); ResearcherID: [M-3075-2013](https://orcid.org/M-3075-2013)

Одним из недостаточно изученных вопросов в рамках социальной истории России последних десятилетий является эволюция социальной структуры общества на стыке советского и постсоветского этапов его развития. Причина этого заключается в том, что социальная структура на каждом из этих этапов рассматривалась с противоположных теоретико-методологических позиций: псевдоклассового подхода с выделением т. н. «трехчленки» (классов рабочих и колхозников и прослойки в лице интеллигенции), с одной стороны, и стратификационного подхода – с другой. Целью исследования является анализ процессов, протекавших в социальной структуре производственной части российского социума в условиях трансформационного перехода конца XX века, а также основных факторов и причин, их обуславливавших. Источниковую базу составляют данные государственной статистики (в т. ч. сплошной отчетности, специальных выборочных обследований по проблемам труда и занятости населения), материалы социологических исследований, проводившихся специализированными учреждениями по изучению общественного мнения в 1990-е гг., результаты опубликованных научных исследований. Новизна постановки и решения проблемы обуславливается тем, что эти процессы рассматриваются в контексте перехода от государственно-капиталистической системы советского периода к частнокапиталистической системе новейшего периода отечественной истории, складывавшейся на этапе встраивания российской экономики в процессы международного разделения труда. Сделан вывод о том, что характер и масштаб трансформации классовой структуры производственной

части социума в исследуемый период были обусловлены изменениями отношений собственности, а также последствиями резкого перехода от централизованно управляемой экономики к рыночным отношениям. Показано, что основной линией классового размежевания в производственной части социума в 1990-е гг. стало увеличение разрыва между владельцами частных капиталов и узкой прослойкой обслуживавшего их интересы класса менеджеров, с одной стороны, и массовых классов трудящихся – с другой.

Социальная структура, социальные классы, постсоветское общество, государственный капитализм, частнокапиталистическая система.

Введение

Изучение социальной структуры российского общества в первое постсоветское десятилетие являлось одним из центральных направлений отечественной обществоведческой литературы 1990-х – первой половины 2000-х гг. При этом общей тенденцией стал практически полный отказ от «марксистской» методологии изучения социальной структуры с ее материалистическим детерминизмом; для этой цели стали использоваться теоретико-методологические положения стратификационного подхода, то есть выделения в обществе «страт» (слоев), различающихся по тем или иным объективным и субъективным критериям¹ (Тихонова, 1999; Добренков, Кравченко, 2000; Трансформация..., 2000; Заславская, 2002). Исследовались процессы формирования крупных социальных групп переходного общества, например «предпринимательства» (Грищенко и др., 1992; Бунин, 1993; Гимпельсон, 1993; Становление..., 1993; Радаев, 1994; Заславская, 1995; Куколев, 1996), «среднего класса» (Беляева, 1996; Средний класс..., 2016) и т. д. В фокусе внимания политологов находились процессы постсоветской трансформации советской политической и экономической элиты («номенклатуры») в буржуазный слой российского общества (Пастухов, 1993; Афанасьев, 1996; Работяжев, 1998; Симония, 2000; Крыштановская, 2004). Отдельные исследования посвящались изучению изменений в составе и положении «рабочего класса» (Полынов, 1998; Трушков, 2002; Беленький, 2003; Максимов, 2004).

В ряде научных работ, в том числе опубликованных в последние годы, есть интересные подходы к сравнительному рассмотрению социальных структур в России до и после 1991 года² (Кивинен, 2001; Руткевич, 2004; Кордонский, 2008; Шкаратан, 2012; Кравченко, 2020; Тихонова, 2021). В них показана значительная степень преемственности процессов классовообразования и стратификации в эти исторические периоды. В то же время, по сути, пока отсутствуют работы, связанные с изучением места социальных классов в исторически определенной системе общественного производства и их роли в общественной организации труда.

Во многом это связано с сохраняющимся в российской и зарубежной литературе доминированием трактовки событий последнего десятилетия XX века как перехода «от социализма к капитализму», что влечет за собой концептуальный разрыв в осмыслении процесса общественного развития: получается, что практически одномоментно прежняя социальная структура прекратила существование и вместо нее возникла новая, детерминированная совершенно иными факторами образования больших социальных групп. На наш взгляд, такой подход не отвечает задаче изучения эволюции социума, основываясь на принципе преемственности, то есть связи между отдельными этапами или ступенями развития, сущность которой заключается в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных его характеристик при переходе к новому состоянию³.

¹ Радаев В.В., Шкаратан О.И. (1996). Социальная стратификация: учеб. пособие для вузов. Москва: Аспект-пресс. 317 с.

² Там же.

³ Философский энциклопедический словарь (1983). Москва: Советская энциклопедия.

В связи с этим целью исследования является анализ процессов, протекавших в социальной структуре производственной части российского социума в условиях трансформационного перехода конца XX века, а также основных факторов и причин, их обуславливавших. Под производственной частью социума понимается совокупность индивидов, занимающих различные позиции в сфере материального производства, включая полный воспроизводственный цикл (промышленное и сельскохозяйственное производство, строительство, транспорт, связь, снабжение и сбыт). Под трансформационным переходом мы понимаем переход от специфической системы государственного капитализма, созданной в СССР в период 1930-х–1980-х гг., к системе частнокапиталистического присвоения, оформление которой началось на рубеже 1980-х–1990-х гг.

Теоретико-методологические подходы к исследованию

В настоящем анализе мы исходим из научной традиции, определяющей советскую экономическую систему не как «социалистическую», а как специфическую систему государственного капитализма (Соловьев, 1995; Здоров, 2006; Pollock, 1941; Cliff, 1974; Binns, 1975; Hayashi, 1992; Zarembka, 1992; Resnick, 2002; Dunayevskaya, 2017; Russia..., 2017; Chattopadhyay, 2018). Наиболее существенным ее признаком являлся процесс накопления капитала (как самовозрастающей стоимости), основанный на государственной собственности и централизованном управлении экономикой. Соответственно, последнее десятилетие XX века в отечественной истории рассматривается нами в контексте перехода от государственно-капиталистической системы советского типа к децентрализованной частнокапиталистической системе присвоения, складывавшейся на этапе встраивания российской экономики в процессы международного разделения труда.

Недостаточно глубоко проработанным вопросом концепций, определяющих социально-экономический строй советского периода как государственно-капитали-

стический, является вопрос о соответствующей ему социальной структуре общества. В основном авторы выделяют два класса: тех, кто реально распоряжался государственной собственностью («номенклатура», «управляющие» и т. п.), с одной стороны, и противостоящей им массы наемных работников («управляемых»). S. Resnick и R. Wolff выделяют три класса: тех, кто производит прибавочный продукт (излишек), тех, кто его присваивает, и тех, кто является получателями распределенных долей присвоенного прибавочного труда (Resnick, 2002). В работах М.А. Безнина и Т.М. Димони предложена трактовка социальной структуры советского общества в рамках модели государственного капитализма, с выделением в ней классов протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, пролетариата (Безнин, Димони, 2016). Последний подход взят нами за основу при анализе процессов, протекавших в социальной структуре производственной части российского социума в постсоветский период.

Источниковую базу исследования составляют данные государственной статистики (в т. ч. сплошной отчетности, специальных выборочных обследований по проблемам труда и занятости населения), материалы социологических исследований, проводившихся специализированными учреждениями по изучению общественного мнения в 1990-е гг. Использованы также опубликованные в научной печати результаты, полученные в рамках многочисленных исследований социальной структуры раннего постсоветского общества. Источниковая база формировалась с учетом специфики определенных рамок объекта исследования, а именно производственной части российского социума.

Результаты и обсуждение

На рубеже 1980-х–1990-х гг. в развитии страны произошли значимые события, предопределившие векторы трансформации ее социально-экономической системы не только в последнее десятилетие XX века, но и в последующий период. Одним из таких событий стал распад СССР, в экономи-

ческом смысле приведший к разрушению структуры вертикальных и горизонтальных хозяйственных связей, сформированной в течение советского времени. Другим историческим событием стало решение политического руководства страны об отказе от системы централизованного управления экономикой и переходе к свободному рынку через реализацию сценария «шоковой терапии». В основе этого сценария лежало резкое сокращение участия государства в регулировании экономики, ускоренная приватизация государственного имущества и полная либерализация внешней торговли в целях быстрой интеграции российской экономики в мировые хозяйственные связи. Все это в итоге привело не только к глубокому и разрушительному экономическому кризису, но и к кардинальным социальным изменениям, в том числе к трансформации производственной части социума.

Осуществляемая в этот период экономическая политика привела к быстрому сокращению производственного потенциала страны. Если в предыдущие десятилетия посредством методов централизованного планового управления поддерживались относительно устойчивые (хотя и неравномерные между различными отраслями) темпы роста общественного производства, то в 1990-е гг. происходило устойчивое его снижение. В целом по России, по официальным данным, величина валового внутреннего продукта в 1998 году составила лишь 58% к уровню 1990 года, объем промышленного производства – 46%, производство продукции сельского хозяйства – 55%, объем работ, выполненных по договорам строительного подряда, – 31%⁴. Тенденция снижения производства в основных секторах экономики была переломлена лишь в 1999–2000 гг., что связано с вынужденной корректировкой некоторых принципов экономической политики государства.

Общий спад производства имел две составляющие: с одной стороны, снижение объемов производства на действовавших

предприятиях вследствие сокращения спроса на их продукцию, перебоев в снабжении, трудностей с финансированием и т. д., а с другой стороны – полное прекращение работы предприятий в связи с их остановкой или закрытием. При этом не всегда первое выступало непременным условием второго. На фоне правового хаоса в процессах перераспределения собственности зачастую ликвидация предприятий была следствием намеренного их разграбления, устранения конкурентов и т. п.

В результате в период с 1990 по 2000 год удельный вес производства товаров в ВВП снизился с 60,5 до 41,3%, но доля производства услуг возросла с 32,6 до 47,2%⁵. Это являлось следствием как деиндустриализации, так и возрастания роли торгово-посреднического сектора, развитие которого сдерживалось в условиях централизованно управляемой экономики.

Падение уровня общественного производства негативным образом сказалось на сфере занятости населения. Среднегодовая численность занятых в экономике за десятилетие сократилась на 11,0 млн чел., или на 14,6% (табл. 1). Новым явлением для страны стала безработица, которая приобрела массовый характер. Численность безработных возросла с 3877 тыс. чел. в 1992 году до 9094 тыс. чел. в 1999 году. Уровень безработицы среди экономически активного населения увеличился в этот период с 5,2 до 12,6%, среди населения в трудоспособном возрасте – с 5,1 до 13,6%⁶.

В 1990-е гг. ускорилось сокращение удельного веса населения, занятого в сфере товарного производства, наметившееся еще в последние десятилетия советского периода. В период с 1990 по 2000 год его количество уменьшилось на 13,6 млн чел., а его доля в общей численности занятых – с 55,5 до 43,8%. Основное сокращение затронуло сектор промышленности – соответственно 8,3 млн чел. (на 36,2%) и строительства (4,0 млн чел., или 44,5%). Этот процесс был связан как с выбытием работников в категорию безра-

⁴ Российский статистический ежегодник (2001): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 38, 436.

⁵ Там же. С. 280.

⁶ Там же. С. 133–134.

Таблица 1. Среднегодовая численность занятых в экономике РФ по отраслям

Показатель	Тыс. чел.			%		
	1980 год	1990 год	2000 год	1980 год	1990 год	2000 год
Всего в экономике, в т. ч.:	73275	75325	64327	100	100	100
Производство товаров:	41824	41794	28154	57,1	55,5	43,8
– промышленность	23812	22809	14543	32,5	30,3	22,6
– сельское и лесное хозяйство	11003	9965	8609	15,0	13,2	13,4
– строительство	7009	9020	5002	9,6	12,0	7,8
Производство рыночных услуг:	16333	15306	18491	22,3	20,4	28,8
– транспорт	6076	4934	4139	8,3	6,6	6,4
– связь	965	884	872	1,3	1,2	1,4
– торговля, общественное питание	6060	5869	9421	8,3	7,8	14,6
– ЖКХ и бытовое обслуживание	2848	3217	3317	3,9	4,3	5,2
– финансы, кредит, страхование	384	402	742	0,5	0,5	1,2
Производство нерыночных услуг:	13858	15875	15644	18,6	21,0	24,3
– социальная сфера	9547	11469	11518	13,0	15,2	17,9
– наука, научное обслуживание	2976	2804	1201	4,1	3,7	1,9
– управление	1147	1602	2925	1,5	2,1	4,5
Другие отрасли	1448	2350	2038	2,0	3,1	3,1

Составлено по: Российский статистический ежегодник (2001): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 141.

ботных, так и с активным их перетоком в другие сектора экономики.

Основным «бенефициаром» изменения структуры занятости стала сфера торговли и общественного питания. За десятилетие количество занятых в ней возросло на 3,6 млн чел. (в 1,6 раза), а удельный вес отрасли в структуре занятости увеличился с 7,8 до 14,6%. Рост занятости здесь был вызван чисто экономическими причинами: возможностями быстрого оборота капитала и высокой нормой прибыли, что позволяло обеспечивать относительно более высокий уровень оплаты труда и ее стабильность. При этом, по оценкам Института экономики РАН, реальные темпы роста занятости в этих отраслях, возможно, даже превышали официальные данные, так как там активно использовались гибкие и неформальные модели занятости (Московская, Московская, 1999, с. 117).

Начало 1990-х гг. в России характеризовалось также форсированным переходом государственной собственности в частные руки.

Этот процесс под эгидой т. н. «разгосударствления» начал разворачиваться еще в рамках реформирования советской экономической системы во второй половине 1980-х гг., однако он имел все же достаточно узкий характер, не затрагивая базовых отношений собственности (Гулин, 2019b). Поистине масштабным процесс разгосударствления стал только в 1992 году с началом реализации российской программы приватизации. В течение 1992 года доля основных фондов, находившихся в государственной собственности, снизилась с 91 до 69%, в негосударственной – возросла с 9 до 31%.

В результате приватизационных мероприятий в 1992 году под контроль частнокапиталистического класса перешло (полностью или частично) свыше 46 тыс. предприятий, в 1993 году – 42,9 тыс., в 1994 году – 21,9 тыс. предприятий различных отраслей экономики, относившихся к государственной и муниципальной собственности⁷. Всего в период 1992–1997 гг. изменили фор-

⁷ Российская Федерация в 1992 году (1993): стат. ежегодник. Москва: Респ. информ.-издат. центр. С. 66; Российский статистический ежегодник (1995): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 232.

Таблица 2. Среднегодовая численность занятых в экономике по формам собственности

Показатель	Млн чел.			%		
	1990 год	1995 год	2000 год	1990 год	1995 год	2000 год
Всего в экономике	75,3	66,4	64,3	100	100	100
в т. ч. по формам собственности:						
государственная, муниципальная	62,2	28,0	24,4	82,6	42,1	37,9
частная	9,4	22,8	29,7	12,5	34,4	46,1
общественных и религиозных объединений (организаций)	0,6	0,5	0,5	0,8	0,7	0,8
смешанная российская	3,0	14,7	8,0	4,0	22,2	12,5
иностранная, смешанная российская и иностранная	0,1	0,4	1,7	0,1	0,6	2,7

Источник: Российский статистический ежегодник (2001): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 140.

Таблица 3. Структура промышленного производства в РФ по формам собственности, %

Показатель	В общем числе предприятий		В общем объеме производства		В общей численности персонала	
	1993 год	2000 год	1993 год	2000 год	1993 год	2000 год
Вся промышленность	100	100	100	100	100	100
в т. ч. по формам собственности:						
государственная	20,6	3,0	43,6	8,2	47,1	13,6
муниципальная	4,1	2,1	1,3	1,1	2,2	2,2
частная	56,4	88,7	9,3	41,1	14,2	39,9
общественных и религиозных объединений (организаций)	0,6	0,5	0,3	0,2	0,7	0,7
смешанная российская	17,8	4,7	43,7	33,1	35,1	38,9
иностранная, смешанная российская и иностранная	0,5	1,0	1,8	16,3	0,7	4,7

Составлено по: Российский статистический ежегодник (1995): стат. сб. Москва. С. 314; Российский статистический ежегодник (2001): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 343.

му собственности 129,5 тыс. предприятий (объектов)⁸. К концу 2000 года в России в частной собственности находилось 2 млн 510 тыс. предприятий и организаций, или 75% от общего их количества⁹.

Эти процессы привели к тому, что в период с 1990 по 2000 год количество занятых на предприятиях и в организациях государственной и муниципальной форм собственности сократилось с 62,2 до 24,4 млн чел., а их удельный вес в среднегодовой численности занятых в экономике – с 82,6 до 37,9%. Преобладающей к концу десятилетия стала категория работников, занятых на частных предприятиях (табл. 2).

В промышленности уже в 1993 году количество предприятий частной формы

собственности стало преобладать (56,4%). Однако это были преимущественно небольшие предприятия, поэтому в общем объеме производства и в общей численности промышленно-производственного персонала их доля оказалась не столь значительной (9,3 и 14,2% соответственно). Это являлось следствием действия нормативно-правовых положений в отношении приватизации наиболее крупных и стратегически значимых объектов в начальном ее периоде. Хотя под контролем государственной буржуазии продолжала оставаться только одна пятая часть промышленных предприятий, это были наиболее крупные производства с высокой численностью работников (табл. 3). В то же

⁸ Российский статистический ежегодник (2000): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 290.

⁹ Российский статистический ежегодник (2001): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 269.

время шел активный процесс формирования смешанной собственности различных групп буржуазии. В него включались наиболее экономически привлекательные объекты государственного имущества, которые могли дать наиболее эффективную отдачу на вложенный капитал. В количественном отношении предприятия смешанной формы собственности занимали только 17,8%, в численности работников – 35,1%, а в общем объеме производства – 43,7%. В последующий период усиливается роль частного капитала в промышленном секторе: к концу десятилетия он стал преобладающим как по количеству предприятий, так и по объему производимой на них продукции и численности персонала.

Однако приватизация представляла собой лишь внешнюю, формально-юридическую сторону¹⁰ акта смены владельца того или иного объекта государственного имущества. При этом чаще всего она являлась утверждением распределения правомочий отдельных групп советской протобуржуазии в отношении распоряжения объектами коллективной капиталистической собственности, оформившегося в рамках советской системы государственного капитализма. Значительно более существенную роль для трансформации этой системы играло фактическое снятие ограничений на присвоение новыми частными собственниками общественного продукта. Кроме того, широкую нишу для приращения частных капиталов открывала также локализация участия государства в сфере отношений распределения и обмена.

В связи с этим процесс разгосударствления, активно развернувшийся в стране еще в последние годы советского периода, привел к возникновению уже в начале 1990-х гг. обширного частнокапиталистического класса. Он формировался двумя основными путями. Один из них заключался в организации предпринимательской деятельности на основе установления и закрепления контроля над объектами бывшей государственной

собственности, другой – в создании нового бизнеса «с нуля». Соответственно, частнокапиталистический класс включал трансформировавшуюся советскую протобуржуазию и слой новой буржуазии, рекрутировавшейся из других классов постсоветского общества. Для первой группы основным источником приращения капиталов являлась производственная и финансовая деятельность, для второй – мелкая спекулятивная торговля и услуги. Различные эмпирические исследования, проводившиеся в период 1990-х гг., демонстрировали чрезвычайно высокую степень неоднородности представителей частнокапиталистического класса по их социальному происхождению, периоду прихода в бизнес, источникам первоначальных капиталов, масштабам осуществляемой деятельности и другим характеристикам.

Процесс разгосударствления в России не ограничивался приватизацией предприятий в узком смысле. В начале 1990-х гг. была ликвидирована система централизованного управления, лежавшая в основе советской модели экономического устройства. Одновременно происходило превращение ряда старых монопольных структур бюрократического крыла протобуржуазии, контролировавших некоторые ключевые сферы экономики, в новые структуры, что позволило им сохранить контроль как над государственной, так и над приватизированной собственностью. В начале 1992 года в центре и в большей части регионов до 70–80% состава органов государственной власти в то время приходилось на лиц, занимавших ранее высокие партийные и хозяйственные должности. Большинство председателей областных и краевых советов являлись бывшими секретарями соответствующих партийных комитетов или председателями облисполкомов. Главы администраций регионов были представителями партхозактива КПСС почти в 80% случаев¹¹.

В новые исполнительные структуры власти в регионах входили, как правило, быв-

¹⁰ Невысокий юридический статус такого акта был продемонстрирован неоднократными внеправовыми переделами собственности в 1990-е гг.

¹¹ Номенклатура готовится взять реванш (1992) // Российская газета. 4 марта. № 52. С. 2.

шие работники обкомов или облисполкомов, которые в 1989–1990 гг. по разным причинам ушли с партийной работы, а в 1991 году были назначены главами администрации указами Президента РФ и сформировали команду из своих бывших подчиненных. По данным опроса представителей президента в регионах, проведенного в конце 1992 года, из 141 представителя номенклатурной элиты, занимавших в 50 регионах накануне августа 1991 года ключевые посты (50 первых секретарей региональных комитетов КПСС, 41 первый секретарь горкома и 50 глав облисполкомов), 33 человека (23%) сохранили свой статус в качестве политической элиты, 44 (31%) перешли на работу в государственный сектор, 46 (33%) – в частный бизнес (Петров, 1995, с. 55).

По сведениям Европейского центра подготовки менеджеров, в середине 1990-х гг. среди крупных российских капиталистов (как и среди чиновников высокого ранга) преобладали работники, входившие в советскую хозяйственную и политическую элиту (74,3%). В регионах их доля была еще более значительной, достигая 82% (Лотова, Ипполитов, 2000, с. 45). По данным исследования «Трансформация бизнес-элиты России» (2001 год), 41% крупных предпринимателей страны в советский период работали в партийных или государственных органах. Кроме того, среди остальной части крупных предпринимателей значительной была доля связанных с прежней партийно-хозяйственной номенклатурой либо выходцев из номенклатурных семей (Крыштановская, 2005, с. 318).

Переход от системы централизованного управления экономикой к рыночным отношениям в начале 1990-х гг. поставил руководителей предприятий перед необходимостью поиска и внедрения соответствующих этому механизмов и инструментов ведения производственной и финансово-экономической деятельности. В советский период центры планирования производства, распределения и сбыта продукции находились «за пределами» предприятий как составляющих единиц народно-хозяйственного ком-

плекса, а главной функцией последних было обеспечение производства продукции в заданных сверху параметрах. В условиях рынка, тем более осложнявшихся отсутствием развитой рыночной инфраструктуры, центральной функцией производственного менеджмента становился сбыт продукции, поиск иных финансовых ресурсов для обеспечения текущей деятельности предприятий (Кравченко, Маркова, 1998). Кроме того, резкое изменение экономико-правовой среды, отсутствие четких нормативных условий функционирования предприятий, повышение роли договорных отношений, возникновение задач, связанных с управлением собственностью, обеспечением нелегальных практик финансово-хозяйственной деятельности, повышало степень значимости юридических служб предприятий. Все это обуславливало изменение роли и статуса класса менеджеров в производственной структуре социума.

В условиях объективного недостатка квалифицированных кадров, а также атмосферы недоверия, характерной для 1990-х гг., большинство собственников стремились лично выполнять функции оперативного управления своими предприятиями, совмещая функции собственников и менеджеров (Яковлев, 2003, с. 228). Так, например, одно из исследований, проведенных в начале 1990-х гг., показало, что свыше 93% опрошенных бизнесменов сами выполняют менеджерские функции (Анурин, 1995, с. 113). Это привело к возникновению внутри буржуазного социального класса специфического слоя «бизнесменов-менеджеров» (Заславская, 1995). Однако по мере развития корпоративного управления эти полномочия все в большей степени делегировались классу профессиональных управленцев.

Социальная эволюция класса менеджеров в постсоветский период в научной литературе пока не получила освещения. Об увеличении количественного состава этой группы можно косвенно судить по такому показателю, как выпуск специалистов по специальности «экономика и управление» государственными средними специальными

Таблица 4. Индексы промышленного производства по отраслям промышленности РФ, 1990 год = 100%, % к 1990 году

Отрасль промышленности	1992 год	1995 год	1998 год	2000 год
Вся промышленность	75	50	46	57
Электроэнергетика	95	80	74	75
Топливная промышленность	87	69	64	69
Черная металлургия	78	59	52	71
Цветная металлургия	68	55	54	68
Химическая и нефтехимическая промышленность	73	48	42	60
Машиностроение и металлообработка	77	40	33	46
Лесная, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность	77	43	33	45
Промышленность строительных материалов	78	44	30	37
Легкая промышленность	64	19	12	16
Пищевая промышленность	76	53	47	56

Рассчитано по: Российский статистический ежегодник (2001): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 337.

ми и высшими учебными заведениями РФ: в период с 1990 по 2000 год он увеличился в 1,73 раза (со 178,6 до 308,1 тыс. чел.), тогда как общий выпуск специалистов вырос лишь на 10%. Доля таких специалистов в общем выпуске возросла с 17,2 до 26,9%¹². В целом за период 1994–2000 гг. российскими профессиональными учебными заведениями (включая негосударственные) было выпущено 1508 тыс. специалистов соответствующего профиля. Несмотря на это, именно в группе руководителей и специалистов в области управления и административно-производственного обеспечения в конце десятилетия отмечались повышенный спрос на рынке труда и дефицит предложения (Роговина, 2001, с. 121).

При этом часть управленческих функций в условиях развития рынка все в большей степени делегировалась предприятиями внешним организациям, оказывавшим услуги в сфере управления (консалтинговые, маркетинговые, юридические и т. д.). Если в 1990 году на каждую тысячу занятых в экономике приходился 21 специалист, занятый в сфере управления, то в 2000 году –

уже 45 управленцев. Увеличивалась и численность работников органов государственной власти и местного самоуправления – с 1004,3 тыс. чел. в 1994 году до 1163,3 тыс. чел. в 2000 году, в том числе исполнительной власти и местного самоуправления – с 894,4 до 1029,5 тыс. чел.¹³

Раздел коллективной государственно-капиталистической собственности между различными частнокапиталистическими группами в 1990-е гг. стал фундаментальной причиной спада производства, который в той или иной степени затронул все отрасли промышленности. Устойчиво сокращаясь, объем промышленного производства достиг минимальной отметки в 1998 году, составив 46% от уровня 1990 года (табл. 4), и лишь в конце десятилетия этот процесс был остановлен в результате реализации комплекса мер по преодолению последствий финансово-экономического кризиса 1998 года. Катастрофический спад производства закономерно привел к резкому сокращению численности промышленно-производственного персонала в стране. Попав в новые условия, предприятия

¹² Российский статистический ежегодник (2001): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 225, 234.

¹³ Там же. С. 43.

Таблица 5. Среднегодовая численность промышленно-производственного персонала по отраслям промышленности РФ

Отрасль	Тыс. чел.			%		
	1990 год	1995 год	2000 год	1990 год	1995 год	2000 год
Вся промышленность	20998	16006	13294	100	100	100
Электроэнергетика	545	750	913	2,6	4,7	6,8
Топливная промышленность	801	846	730	3,8	5,3	5,5
Черная металлургия	785	727	711	3,7	4,5	5,3
Цветная металлургия	487	549	560	2,3	3,4	4,2
Химическая и нефтехимическая промышленность	1130	968	877	5,4	6,0	6,6
Машиностроение и металлообработка	9652	6190	4745	46,0	38,7	35,7
Лесная, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность	1792	1383	1102	8,5	8,6	8,3
Промышленность строительных материалов	1097	973	684	5,2	4,6	5,1
Легкая промышленность	2288	1332	849	10,9	8,3	6,4
Пищевая промышленность	1545	1506	1484	7,4	9,4	11,2
Прочие	876	782	639	4,2	6,5	4,9

Рассчитано по: Российский статистический ежегодник (2001): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 161.

были вынуждены избавляться от избыточной рабочей силы. В 1992 году высвобождение затронуло 1 млн 200 тыс. работников. Одновременно с этим процессом началось сокращение спроса на труд. Уже во второй половине 1992 года количество официально заявленных вакансий оказалось меньше числа ищущих работу (Гимпельсон, Магун, 1994). Всего в период с 1990 по 2000 год среднегодовая численность промышленно-производственного персонала в отраслях промышленности РФ сократилась в 1,58 раза (с 20 млн 998 тыс. до 13 млн 294 тыс. чел.), в том числе рабочих – в 1,63 раза (с 17 млн 7 тыс. до 10 млн 440 тыс. чел.), служащих – в 1,40 раза (с 3 млн 991 тыс. до 2 млн 854 тыс. чел.)¹⁴.

В самом тяжелом положении в 1990-е гг. оказались отрасли химической и нефтехимической промышленности, машиностроения и металлообработки, лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, промышленности строительных материалов и особенно легкой промышленности. Не случайно именно в этих отраслях численность рабочих и служащих

уменьшилась за десятилетие наиболее значительно (табл. 5): в легкой промышленности в 2,69 раза, в машиностроении и металлообработке в 2,03 раза, лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности в 1,63 раза, в промышленности строительных материалов в 1,60 раза.

Советская экономическая доктрина во главу угла ставила материальное производство, что предполагало особое место промышленных рабочих в социальной структуре социума. Конституционные нормы закрепляли за «рабочим классом» статус ведущей силы советского общества. За внешней декларативностью этого тезиса стояли вполне прагматичные причины. Необходимость обеспечения расширенного воспроизводства огромного объема накопленного промышленного капитала, в целом отличавшегося довольно низким уровнем эффективности (фондоотдачи), в совокупности с невысокой производительностью труда обуславливала не только сохранение большого количества промышленных рабочих, но и их особое позиционирование. Оно осуществлялось по-

¹⁴ Труд и занятость в России: стат. сб. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B03_36/IssWWW.exe/Stg/d010/i010860r.htm

средством инструментов материального и нематериального поощрения с целью выделения из общей массы населения, занятого в сферах как материального, так и нематериального производства. Привилегированное место в этом плане занимали представители класса «рабочей аристократии» как с точки зрения их материального положения, так и возможностей оказывать определенное влияние на управление внутренней производственно-хозяйственной и социальной деятельностью советских предприятий. В свою очередь «рабочая аристократия» выступала в качестве опоры протобуржуазного класса в продвижении ее интересов, связанных с эксплуатацией основной массы пролетариата.

С началом перехода к рынку роль индустриального производства в экономике резко снизилась. В наибольшей степени это затронуло инвестиционные отрасли промышленности (производство средств производства и техники), работники которых считались «авангардом рабочего класса». В условиях гиперинфляции происходил отток ресурсов из тех отраслей, которые объективно не могли обеспечить быструю отдачу от вложенного капитала. Сужение рынка средств производства вследствие исчезновения привычных сфер их использования и рынка предметов потребления из-за снижения платежеспособного спроса населения и роста конкуренции со стороны продукции зарубежных производителей привело к ликвидации отдельных производств и даже отраслей, в итоге – к выпадению масс людей соответствующей квалификации из процесса общественного производства (Соколов, 1996). Декапитализация способствовала деградации производственного капитала (Гулин, 2019а). Практически отпала потребность промышленной буржуазии в наличии особой категории «рабочей аристократии» как проводника своих интересов. В условиях постсоветской трансформации экономи-

ки она утрачивает сущностные классовые признаки и растворяется в рядах массового пролетариата. Этому способствовали как общее уменьшение оплаты труда рабочих и ухудшение их материального положения, так и снижение требований к квалификации и уровню профессионализма на производстве, выход на первый план таких характеристик работников, как способность выполнять большой объем работ по заниженным нормам оплаты труда, многофункциональность, готовность выполнять любую работу, лояльность к руководству и т. п. (Ядов, 2003; Максимов, 2004).

Существенному изменению подвергся и количественный состав класса пролетариата. В период с 1990 по 2000 год общая численность рабочих в отраслях промышленности сократилась в 1,68 раза (на 6567 тыс. чел.). При этом в наиболее массовых отраслях оно было более чем двукратным: в легкой промышленности количество рабочих уменьшилось в 2,80 раза (на 1283 тыс. чел.), в машиностроении и металлообработке – в 2,13 раза (на 3972 тыс. чел.). Также значительно сократилась численность рабочих в таких отраслях, как промышленность строительных материалов (в 1,65 раза, или 360 тыс. чел.), лесная, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность (в 1,64 раза, или на 603 тыс. чел.)¹⁵. Количество рабочих в строительстве уменьшилось в 2,5 раза (с 5,7 млн чел. в 1990 году до 2,3 млн чел. в 2000 году)¹⁶.

Удельный вес рабочих промышленности и строительства в среднегодовой численности лиц, занятых в экономике, сократился с 30,1 до 19,7%¹⁷. Согласно сведениям из выборочных обследований населения по проблемам занятости, совокупная доля квалифицированных и неквалифицированных рабочих в отраслях материального производства и отдельных отраслях производства рыночных услуг (транспорт, связь) в 2000 году состав-

¹⁵ Труд и занятость в России: стат. сб. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B03_36/IssWWW.exe/Stg/d010/i010860r.htm

¹⁶ Строительство в России: стат. сб. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B02_46/IssWWW.exe/Stg/d010/i011570r.htm

¹⁷ Российский статистический ежегодник (1999): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 182; Строительство в России: стат. сб. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B02_46/IssWWW.exe/Stg/d010/i011570r.htm; Промышленность России: стат. сб. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B05_48/IssWWW.exe/Stg/04-01.htm

ляла 29,1% от общей численности занятых в экономике (по основному месту работы)¹⁸. Если сравнить этот показатель с данными о среднегодовой численности рабочих сопоставимых отраслей в численности лиц, занятых в экономике, которая десятилетием ранее составляла 42,5%¹⁹, можно говорить о сужении роли пролетарского класса в социально-производственной структуре российского общества. Об этом же, а также о снижении социального статуса рабочих, свидетельствовало сокращение востребованности в получении рабочих профессий среди подрастающего поколения. Так, в период с 1990 по 2000 год объем выпуска квалифицированных рабочих учреждениями начального профессионального образования в России снизился в 1,98 раза (с 1272 до 645,6 тыс. чел.)²⁰.

Одной из сторон процесса деиндустриализации стало также резкое снижение технико-технологического уровня производства. В промышленности РФ в период с 1990 по 1994 год удельный вес новой товарной продукции в общем объеме продукции, освоенной за последний год, сократился с 6,5 до 2,4%, освоенной за последние три года – с 23,6 до 5,2%²¹. В период с 1990 по 1997 год количество освоенных новых ма-

шин и оборудования сократилось в 2,1 раза²². Уменьшились потребность в инженерно-техническом труде и спрос на соответствующие кадры, что обуславливало сокращение численности инженерно-технических работников (Трансформация..., 2000, с. 169). Косвенно об этом процессе можно судить по данным о динамике количества служащих в промышленности, которое снизилось в период с 1990 по 2000 год в 1,4 раза (с 3991 до 2857 тыс. чел.)²³. Согласно сведениям из выборочных обследований населения по проблемам занятости, доля специалистов среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности составляла 3,2% от общей численности лиц, занятых в экономике²⁴. В особенности процесс сокращения инженерных кадров затронул когорту квалифицированных специалистов, занятых в системе бывшего советского военно-промышленного комплекса. Происходила примитивизация труда инженерно-технических работников: они во все большей степени вовлекались в выполнение работ, непосредственно не связанных с осуществлением должностных обязанностей, не соответствующих образованию и творческим возможностям: составление справок, отчетов, заявок и других делопроизвод-

¹⁸ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b07_13/IssWWW.exe/Stg/d01/05-09.htm. Учтены следующие категории занятий: квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства; рабочие, занятые на горных, горно-капитальных, строительном-монтажных и ремонтно-строительных работах; рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности; рабочие, занятые изготовлением прецизионных инструментов и приборов; рабочие художественных промыслов и других видов производств в художественной промышленности, рабочие полиграфического производства; профессии рабочих транспорта и связи; другие квалифицированные рабочие, занятые в промышленности, на транспорте, в связи, геологии и разведке недр; операторы, аппаратчики и машинисты промышленных установок; операторы, аппаратчики и машинисты промышленного оборудования и сборщики изделий; неквалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства; неквалифицированные рабочие, занятые в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи, геологии и разведке недр.

¹⁹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1990 году (1991): стат. ежегодник. Москва: Росинформцентр. С. 109, 114. Учтены данные по отраслям народного хозяйства: промышленность, строительство, транспорт и связь.

²⁰ Российский статистический ежегодник (1994): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 127; Российский статистический ежегодник (2001): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 221.

²¹ Российский статистический ежегодник (1995): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 324.

²² Российский статистический ежегодник (1996): стат. сб. Москва: Логос. С. 483; Российский статистический ежегодник (1998): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 638.

²³ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник (1999): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 182; Российский статистический ежегодник (2001): стат. сб. Москва: Госкомстат России. С. 141; Промышленность России – 2005: стат. сб. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B05_48/IssWWW.exe/Stg/04-01.htm

²⁴ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b07_13/IssWWW.exe/Stg/d01/05-09.htm

ственных документов²⁵. Все это приводило к сокращению роли и места социального класса интеллектуалов в производственной структуре российского социума.

Деиндустриализация, выражавшаяся в формах сокращения выпуска промышленной продукции, частичной остановки и полного закрытия предприятий, повлекла за собой также процессы полного или частичного высвобождения рабочих и служащих из сферы материального производства. Эти процессы выражались в различных формах неустойчивой (неполной и частичной) занятости, массово распространявшихся с начала 1990-х гг., получивших в современной научной литературе обобщенное понятие «прекаризации» (Федорова, Парсюкович, 2013; Дружилов, 2015; Тощенко, 2018; Стэндинг, 2020).

Первые случаи перевода работников на неполный рабочий день или неделю начали отмечаться уже весной – летом 1992 года и в последующий период стали постоянным явлением. Так, в 1998 году численность работников, работавших неполный рабочий день или неделю по инициативе администрации, составляла, по официальным данным, 4 млн 306 тыс. чел., или 10,1% от среднесписочной численности занятых; в 2000 году – 1 млн 499 тыс. чел., или 3,6%. В 1998 году 4 млн 742 тыс. работников, или 11,1% среднесписочной численности занятых, были направлены в административные отпуска; в 2000 году – 2 млн 175 тыс., или 5,2%²⁶. При этом, по данным других обследований, практика административных отпусков была значительно шире. Так, согласно отчетности базовых предприятий в рамках мониторинга Минтруда РФ, в неоплачиваемых отпусках находилось 42% работников в 1996 году и 45% в 1997 году, в то время как по данным прямого опроса работников этих предприятий – около 62% (Соболева, 2001, с. 103).

Наиболее широко неполная занятость была распространена на предприятиях легкой промышленности. Так, например, в 1996 году более половины работников этой от-

расли ежемесячно были не полностью заняты на производстве, в машиностроении (около 50%), промышленности строительных материалов, химической и нефтехимической, стекольной и фарфорово-фаянсовой промышленности (27–29%), в строительстве (16%). В легкой промышленности в 1996 году две трети работников в различные периоды времени находились в административных отпусках, в машиностроении и промышленности строительных материалов – около половины (Кабалина, Рыжикова, 1998, с. 135).

В наибольшей степени угроза неполной занятости касалась представителей массовых классов производственной части социума. Например, по данным исследования ИСИТО и ИМЭМО РАН на 16 промышленных предприятиях (март – апрель 1997 года), среди руководителей высшего звена никто не имел административных отпусков, среди квалифицированных рабочих – 41,1%, среди низкоквалифицированных рабочих – 34%, среди специалистов – 32,8% (Кабалина, Рыжикова, 1998, с. 140). При этом, чем большей была непрерывная продолжительность вынужденного отпуска, тем более вероятным становилось включение человека во вторичную занятость. По данным опросов ИСИТО и ИМЭМО РАН, среди работников, продолжительность административных отпусков которых за весь 1996 год составила 1–20 рабочих дней, подрабатывали 24%, 21–40 дней – 30%, 41–60 дней – 31%, более 60 рабочих дней – 48% (Кабалина, 1998, с. 140, 143).

Заключение

Таким образом, характер процессов, протекавших в социальной структуре производственной части российского социума в ранний постсоветский период, был обусловлен, во-первых, изменениями отношений собственности, а во-вторых – последствиями резкого перехода от специфической государственно-капиталистической системы советского типа, базировавшейся на центра-

²⁵ Иванова Л.И. (1999). Инженерно-технические работники в современном российском обществе (на материалах Бурятии): дис. ... канд. социол. наук. Улан-Уде. 173 с.

²⁶ Труд и занятость в России: стат. сб. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B03_36/IssWWW.exe/Stg/d010/i011360r.htm

лизованном накоплении капитала и управлении экономикой, к системе частнокапиталистической, в основе которой находились частное присвоение и децентрализованные отношения рыночного обмена. Движущей силой и того, и другого процессов была бывшая советская протобуржуазия, ставшая главным бенефициаром реформ. Ключевой линией классового размежевания в производственной части социума в 1990-е гг. стало увеличение разрыва между владельцами частных капиталов и узкой прослойкой обслуживавшего их интересы класса менеджеров, с одной стороны, и массовых классов трудящихся – с другой.

В целом изучение проблемы в указанном контексте позволяет, на наш взгляд, во многом по-новому посмотреть на различные аспекты эволюции социальной структуры производственной части российского социума в условиях трансформационного

перехода конца XX века, исходя из принципа исторической преемственности в процессах общественной динамики. Основным элементом новизны изложенного выше подхода является то, что процессы в социальной структуре, а также факторы и причины, их обуславливавшие, рассматриваются как элемент трансформационных изменений в обществе, базировавшемся на капиталистическом способе производства, как следствие – революционного перехода «от социализма к капитализму». В то же время представленные результаты и выводы имеют пока во многом постановочный характер. Дальнейшие изыскания в этом направлении, связанные с изучением процессов правового и экономического размежевания в российском обществе в 1980-е – 1990-е гг., позволят получить дополнительные знания об эволюции его социально-классовой структуры в данный период.

ЛИТЕРАТУРА

- Анурин В.Ф. (1995). Экономическая стратификация: аттитюды и стереотипы сознания // Социологические исследования. № 1. С. 104–115.
- Афанасьев М.Н. (1996). Правящие элиты: образ деятельности // Мировая экономика и международные отношения. № 3. С. 46–56. № 4. С. 28–38.
- Безнин М.А., Димони Т.М. (2016). К вопросу о типе экономического строя СССР // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5. С. 238–250.
- Беленький В.Х. (2003). Рабочий класс как объект социологического анализа // Социологические исследования. № 1. С. 29–37.
- Беляева Л.А. (1996). Средний класс: проблемы формирования и развития в России // Мир России. № 2. С. 117–131.
- Бунин И.М. (1993). Социальный портрет мелкого и среднего предпринимательства в России // Полис. № 3. С. 149–154.
- Гимпельсон В. (1993). Новое российское предпринимательство: источники формирования и стратегии социального развития // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 31–32.
- Гимпельсон В.Е., Магун В.С. (1994). Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. № 1. С. 134–149.
- Грищенко Ж.М., Новикова Л.Г., Лапша И.Н. (1992). Социальный портрет предпринимателя // Социологические исследования. № 10. С. 53–61.
- Гулин К.А. (2019а). К вопросу о первоначальном накоплении капитала в постсоветской России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 276–291.
- Гулин К.А. (2019б). Развитие негосударственных форм хозяйствования в российской экономике в позднесоветский период // История социальных процессов в России (XX век): сб. науч. статей. Вологда: ВоГУ. С. 164–175.
- Добреньков В.И., Кравченко А.И. (2000). Социология. Т. 2. Социальная структура и стратификация. Москва: Инфра-М. 535 с.
- Дружилов С.А. (2015). Прекариат и неформальная трудовая занятость в России // Гуманитарные научные исследования. Вып. 41. № 1. Ч. 2. С. 53–61.

- Заславская Т.И. (1995). Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. № 3. С. 3–12.
- Заславская Т.И. (2002). Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. Москва: Дело. 566 с.
- Здоров А.А. (2006). Государственный капитализм и модернизация Советского Союза: марксистский анализ советского общества. Москва: КомКнига (Москва: ЛЕНАНД). 157 с.
- Кабалина В., Рыжикова З. (1998). Неполная занятость в России // Вопросы экономики. № 2. С. 131–143.
- Кивинен М. (2001). Прогресс и хаос: социологический анализ прошлого и будущего России. Санкт-Петербург: Акад. проект. 269 с.
- Кордонский С.Г. (2008). Словесная структура постсоветской России. Москва: Институт фонда «Общественное мнение». 216 с.
- Кравченко А.И. (2020). Историческая динамика социальной структуры российского общества. Москва: Инфра-М. 376 с.
- Кравченко Н., Маркова В. (1998). Меняется ли парадигма управления предприятием? // Проблемы теории и практики управления. № 3. С. 83–89.
- Крыштановская О. (2004). Анатомия российской элиты. Москва: Захаров. 381 с.
- Куколев И.В. (1996). Формирование бизнес-элиты // Общественные науки и современность. № 2. С. 12–23.
- Лотова И., Ипполитов Г. (2000). Всероссийский мониторинг социально-трудовой сферы: концептуальные аспекты // Человек и труд. № 7. С. 43–46.
- Максимов Б.И. (2004). Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000 годов. Санкт-Петербург: Наука. 276 с.
- Московская А., Московская В. (1999). Качественные и количественные сдвиги в сфере занятости // Вопросы экономики. № 11. С. 114–127.
- Пастухов В.Б. (1993). От номенклатуры к буржуазии: новые русские // Политические исследования. № 2. С. 49–56. № 3. С. 15–26.
- Полынов М.Ф. (1998). Российские рабочие во второй половине 80-х – первой половине 90-х годов. Санкт-Петербург: Нестор. 316 с.
- Работяжев Н. (1998). Номенклатурный капитализм в России // Мировая экономика и международные отношения. № 2. С. 38–51.
- Радаев В.В. (1994). О некоторых чертах нормативного поведения новых российских предпринимателей // Мировая экономика и международные отношения. № 1. С. 94–107.
- Роговина О. (2001). Изменение профессионально-квалификационной структуры занятости при переходе к рынку // Общество и экономика. № 10. С. 120–135.
- Руткевич М.Н. (2004). Социальная структура. Москва: Альфа-М. 270 с.
- Симония Н. (2000). Становление бюрократического капитализма в России (1992–1998) // Свободная мысль – XXI. № 3. С. 42–59. № 4. С. 54–66.
- Соболева И. (2001). О недоиспользовании трудового потенциала общества // Общество и экономика. № 10. С. 98–119.
- Соколов В. (1996). Национальные экономические интересы: выработка консенсуса // Мировая экономика и международные отношения. № 3. С. 5–18.
- Соловьев А.В. (1995). Этюды о капитализме России XX века: становление капитализма в СССР. Кострома: [б. и.]. 108 с.
- Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований (2016) / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь Мир. 368 с.
- Становление нового российского предпринимательства: социологический аспект (1993): сб. статей / отв. ред. В.В. Радаев. Москва: ИЭ. 248 с.
- Стэндинг Г. (2020). Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ад Маргинем Пресс. 367 с.
- Тихонова Н.Е. (1999). Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. Москва: РОССПЭН. 318 с.
- Тихонова Н.Е. (2021). Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х гг. // Социологические исследования. № 8. С. 22–32.

- Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества (2000) / отв. ред. З.Т. Голенкова. 3-е изд. Москва: Изд-во Ин-та социологии РАН. 480 с.
- Трушков В.В. (2002). Современный рабочий класс России в зеркале официальной статистики // Социологические исследования. № 2. С. 45–51.
- Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от протокласса к новому классу. Москва: Наука. 346 с.
- Петров Н.В. (1995). Политические элиты в центре и на местах // Российский монитор: архив современной политики. Вып. 5. Москва: ИНДЕМ. С. 41–63.
- Федорова А.Э., Парсюкевич А.М. (2013). Прекаризация занятости и ее влияние на социально-экономическое благополучие наемных работников // Известия УрГЭУ. № 5. С. 76–81.
- Шкаратан О.И. (2012). Социология неравенства. Теория и реальность. Москва: Изд. Дом ВШЭ. 526 с.
- Ядов В. (2003). Современное состояние трудовых отношений в России // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. № 3. С. 1–7.
- Яковлев А.А. (2003). Корпоративное управление и реструктуризация предприятий в России: формальные институты и неформальные интересы собственников // Экономический журнал ВШЭ. № 3. С. 221–230.
- Binns P. (1975). The theory of state capitalism. *International Socialism (1st series)*, 74, 20–25.
- Chattopadhyay P. (2018). *Socialism and Commodity Production: Essay in Marx Revival*. Leiden and Boston, MA: Brill.
- Cliff T. (1974). *State Capitalism in Russia*. London: Pluto press.
- Dunayevskaya R. (2017). *Russia: From Proletarian Revolution to State-Capitalist Counter-Revolution: Selected Writings*. Leiden; Boston: Brill.
- Hayashi H. (1992). *The Theory of State Capitalism: From the Stalin Regime to Liberalisation*. Socialist Workers Party (Japan).
- Pollok F. (1941). State capitalism: Its possibilities and limitations. *Studies in Philosophy and Social Science*, 9, 200–225.
- Resnick S.A., Wolff R.D. (2002). *Class Theory and History: Capitalism and Communism in the USSR*. New York, London: Routledge.
- Arnove A., Binns P., Cliff T., Harman Ch., Shawki A. (2017). *Russia: From Workers' State to State Capitalism*. Haymarket Books.
- Zarembka P. (1992). Development of state capitalism in the soviet system. *Research in Political Economy*, 13, 123–161.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Анатольевич Гулин – кандидат исторических наук, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а); профессор, Вологодский государственный университет (Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15); e-mail: gulin_k@mail.ru

Gulin K.A.

ON THE PROCESSES IN THE SOCIAL STRUCTURE OF THE MANUFACTURING PART OF THE RUSSIAN SOCIETY IN TRANSFORMATIONAL TRANSITION CONDITIONS OF THE LATE 20TH CENTURY

One of the insufficiently studied issues in the social history of Russia in recent decades is the evolution of the social structure of society at the intersection of the Soviet and post-Soviet stages of its development. The reason is that the social structure at each of these stages was considered from opposite theoretical and methodological positions: the pseudo-class approach with the allocation

of the so-called “three-member” (classes of workers and collective farmers and a layer represented by the intelligentsia), on the one hand, and the stratification approach, on the other. The aim of the research is to analyze the processes that took place in the social structure of the manufacturing part of the Russian society in the conditions of the transformation transition of the late twentieth century, as well as the main factors and causes that determined them. The source base consists of the data of state statistics (including continuous reporting, special sample surveys on labor and employment problems), materials of sociological research conducted by specialized institutions for the study of public opinion in the 1990s, the results of published scientific research. The novelty of the statement and solution of the problem is due to the fact that these processes are considered in the context of the transition from the state-capitalist system of the Soviet period to the private-capitalist system of the newest period of national history, which was formed at the stage of embedding the Russian economy in the processes of international division of labor. We conclude that the nature and scale of the transformation of the class structure of the manufacturing part of society in the period under consideration were due to changes in property relations, as well as the effects of a sharp transition from a centrally controlled economy to market relations. We show that the main line of class demarcation in the manufacturing part of society in the 1990s was the widening of the gap between the owners of private capital and a narrow layer of the class of managers serving their interests, on the one hand, and the mass classes of workers, on the other.

Social structure, social classes, post-Soviet society, state capitalism, private capitalist system.

REFERENCES

- Afanas'ev M. (1996). Ruling elites: The way they operate. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 3, 46–56, 4, 28–38 (in Russian).
- Anurin V.F. (1995). Economic stratification: Attitudes and stereotypes of consciousness. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 1, 104–115 (in Russian).
- Arnové A., Binns P., Cliff T., Harman Ch., Shawki A. (2017). *Russia: From Workers' State to State Capitalism*. Haymarket Books.
- Belen'kii V.Kh. (2003). The working class as an object of sociological analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 1, 29–37 (in Russian).
- Belyaeva L.A. (1996). Middle class: Problems of formation and development in Russia. *Mir Rossii*, 2, 117–131 (in Russian).
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2016). Revisiting the type of economic system in the USSR. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 5, 238–250 (in Russian).
- Binns P. (1975). The theory of state capitalism. *International Socialism (1st series)*, 74, 20–25.
- Bunin I.M. (1993). Social portrait of small and medium-sized entrepreneurship in Russia. *Polis*, 3, 149–154 (in Russian).
- Chattopadhyay P. (2018). *Socialism and Commodity Production: Essay in Marx Revival*. Leiden and Boston, MA: Brill.
- Cliff T. (1974). *State Capitalism in Russia*. London: Pluto press.
- Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. (2000). *Sotsiologiya. T. 2. Sotsial'naya struktura i stratifikatsiya* [Sociology. Volume 2. Social Structure and Stratification]. Moscow: Infra-M.
- Druzhilov S.A. (2015). Precariat and informal labor employment in Russia. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 41, 1(2), 53–61 (in Russian).
- Dunayevskaya R. (2017). *Russia: From Proletarian Revolution to State-Capitalist Counter-Revolution: Selected Writings*. Leiden; Boston: Brill.
- Fedorova A.E., Parsyukevich A.M. (2013). Precarization of employment and its impact on the socio-economic well-being of employees. *Izvestiya UrGEU*, 5, 76–81 (in Russian).
- Gimpel'son V. (1993). New Russian entrepreneurship: Sources of formation and strategies of social development. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 6, 31–32 (in Russian).

- Gimpel'son V.E., Magun V.S. (1994). Fired in the labor market: New jobs and social mobility. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1, 134–149 (in Russian).
- Golenkova Z.T. (Ed.). (2000). *Transformatsiya sotsial'noi struktury i stratifikatsiya rossiiskogo obshchestva. 3-e izd.* [Transformation of Social Structure and Stratification of Russian Society. Third Edition]. Moscow: Izd-vo In-ta sotsiologii RAN.
- Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (Eds.). (2016). *Srednii klass v sovremennoi Rossii. Opyt mnogoletnikh issledovaniy* [Middle Class in Modern Russia. Experience of Long-Term Research]. Moscow: Ves' Mir.
- Grishchenko Zh.M., Novikova L.G., Lapsha I.N. (1992). Social portrait of an entrepreneur. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 10, 53–61 (in Russian).
- Gulin K.A. (2019a). Revisiting the issue of the “initial accumulation of capital” in Post-Soviet Russia. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(6), 276–291 (in Russian).
- Gulin K.A. (2019b). Development of non-state forms of economic activity in the Russian economy in the late Soviet period. In: *Istoriya sotsial'nykh protsessov v Rossii (XX vek): sb. nauch. statei* [History of Social Processes in Russia (20th Century): Collection of Scientific Articles]. Vologda: VoGU (in Russian).
- Hayashi H. (1992). *The Theory of State Capitalism: From the Stalin Regime to Liberalisation*. Socialist Workers Party (Japan).
- Kabalina V., Ryzhikova Z. (1998). Underemployment in Russia. *Voprosy ekonomiki*, 2, 131–143 (in Russian).
- Kivinen M. (2001). *Progress i khaos: sotsiologicheskii analiz proshlogo i budushchego Rossii* [Progress and Chaos: Sociological Analysis of Russia's Past and Future]. Saint Petersburg: Akad. proekt.
- Kordonskii S.G. (2008). *Soslovnaya struktura postsovetskoi Rossii* [The Class Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow: Institut fonda “Obshchestvennoe mnenie”.
- Kravchenko A.I. (2020). *Istoricheskaya dinamika sotsial'noi struktury rossiiskogo obshchestva* [Historical Dynamics of the Social Structure of Russian Society]. Moscow: Infra-M.
- Kravchenko N., Markova V. (1998). Is the paradigm of enterprise management changing? *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 3, 83–89 (in Russian).
- Kryshchanovskaya O. (2004). *Anatomiya rossiiskoi elity* [Anatomy of the Russian Elite]. Moscow: Zakharov.
- Kukolev I.V. (1996). Formation of the business elite. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2, 12–23 (in Russian).
- Lotova I., Ippolitov G. (2000). All-Russian monitoring of social and labor sphere: Conceptual aspects. *Chelovek i trud*, 7, 43–46 (in Russian).
- Maksimov B.I. (2004). *Rabochie v reformiruemoi Rossii, 1990-e – nachalo 2000 godov* [Workers in Reforming Russia, 1990s – Early 2000s]. Saint Petersburg: Nauka.
- Moskovskaya A., Moskovskaya V. (1999). Qualitative and quantitative shifts in employment. *Voprosy ekonomiki*, 11, 114–127 (in Russian).
- Pastukhov V.B. (1993). From nomenklatura to bourgeoisie: The new Russians. *Politicheskie issledovaniya*, 2, 49–56, 3, 15–26 (in Russian).
- Petrov N.V. (1995). Political elites at the center and in the field. In: *Rossiiskii monitor: arkhiv sovremennoi politiki. Vyp. 5* [The Russian Monitor: Archive of Contemporary Politics. Volume 5]. Moscow: INDEM (in Russian).
- Pollok F. (1941). State capitalism: Its possibilities and limitations. *Studies in Philosophy and Social Science*, 9, 200–225.
- Polynov M.F. (1998). *Rossiiskie rabochie vo vtoroi polovine 80-kh – pervoi polovine 90-kh godov* [Russian Workers in the Second Half of the 80s – First Half of the 90s]. Saint Petersburg: Nestor.
- Rabotyzhev N. (1998). Nomenklatura capitalism in Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, 38–51 (in Russian).
- Radaev V.V. (1994). On some traits of normative behavior of new Russian entrepreneurs. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1, 94–107 (in Russian).
- Radaev V.V. (Ed.). (1993). *Stanovlenie novogo rossiiskogo predprinimatel'stva: sotsiologicheskii aspekt: sb. statei* [Emergence of New Russian Entrepreneurship: Sociological Aspects: Collection of Articles]. Moscow: IE.
- Resnick S.A., Wolff R.D. (2002). *Class Theory and History: Capitalism and Communism in the USSR*. New York, London: Routledge.

- Rogovina O. (2001). Changes in the professional and qualification structure of employment during the transition to the market. *Obshchestvo i ekonomika*, 10, 120–135 (in Russian).
- Rutkevich M.N. (2004). *Sotsial'naya struktura* [Social Structure]. Moscow: Al'fa-M.
- Shkaratan O.I. (2012). *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'* [Sociology of Inequality. Theory and Reality]. Moscow: Izd. Dom VShE.
- Simoniya N. (2000). Establishment of bureaucratic capitalism in Russia (1992–1998). *Svobodnaya mysl' – XXI*, 3, 42–59, 4, 54–66 (in Russian).
- Soboleva I. (2001). On the underutilization of the labor potential of society. *Obshchestvo i ekonomika*, 10, 98–119 (in Russian).
- Sokolov V. (1996). National economic interests: Building consensus. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 3, 5–18 (in Russian).
- Solov'ev A.V. (1995). *Etyudy o kapitalizme Rossii XX veka: stanovlenie kapitalizma v SSSR* [Etudes on Capitalism in Russia in the 20th Century: The Emergence of Capitalism in the USSR]. Kostroma.
- Standing G. (2020). *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Tikhonova N.E. (1999). *Faktory sotsial'noi stratifikatsii v usloviyakh perekhoda k rynochnoi ekonomike* [Factors of Social Stratification in the Conditions of Transition to Market Economy]. Moscow: ROSSPEN.
- Tikhonova N.E. (2021). Transformations of the social structure of Russian society in late 1980s – late 2010s. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 8, 22–32 (in Russian).
- Toshchenko Zh.T. (2018). *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [The Precariat: From Protoclass to a New Class]. Moscow: Nauka.
- Trushkov V.V. (2002). Modern working class of Russia in the mirror of official statistics. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2, 45–51 (in Russian).
- Yadov V. (2003). Current state of labor relations in Russia. “*Teleskop*”: *nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev*, 3, 1–7 (in Russian).
- Yakovlev A.A. (2003). Corporate governance and enterprise restructuring in Russia: Formal institutions and informal interests of owners. *Ekonomicheskii zhurnal VShE=Higher School of Economics. Economic Journal*, 3, 221–230 (in Russian).
- Zarembka P. (1992). Development of state capitalism in the soviet system. *Research in Political Economy*, 13, 123–161.
- Zaslavskaya T.I. (1995). Business layer of the Russian society: Essence, structure, status. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 3, 3–12 (in Russian).
- Zaslavskaya T.I. (2002). *Sotsietal'naya transformatsiya rossiiskogo obshchestva: deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya* [Societal Transformation of Russian Society: Activity-Structural Concept]. Moscow: Delo.
- Zdorov A.A. (2006). *Gosudarstvennyi kapitalizm i modernizatsiya Sovetskogo Soyuza: marksistskii analiz sovetskogo obshchestva* [State Capitalism and the Modernization of the Soviet Union: Marxist Analysis of Soviet Society]. Moscow: KomKniga (Moscow: LENAND).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin A. Gulin – Candidate of Sciences (History), Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation); Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation); e-mail: gulin_k@mail.ru